

Мартыненко Е. А. «Шотландский вопрос» и его новые культурные смыслы в «Culture Capitalism» Аласдера Грея / Е. А. Мартыненко // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 165—180. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-165-180.

Martynenko, E. A. (2021). “Scottish Question” and Its New Cultural Meanings in “Culture Capitalism” by Alasdair Gray. *Nauchnyi dialog*, 9: 165-180. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-165-180. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-165-180

«Шотландский вопрос» и его новые культурные смыслы в «Culture Capitalism» Аласдера Грея

Мартыненко

Екатерина Александровна
orcid.org/0000-0003-3478-9807
аспирант второго года обучения,
преподаватель кафедры теории и
истории мировой литературы
emartynenko@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 20-312-90055

“Scottish Question” and Its New Cultural Meanings in “Culture Capitalism” by Alasdair Gray

Ekaterina A. Martynenko

orcid.org/0000-0003-3478-9807
Second year postgraduate student
Lecturer
Department of Theory and History of
World Literature
emartynenko@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR
project number 20-312-90055

© Мартыненко Е. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предлагается интерпретация рассказа «Culture Capitalism», помещенного в авторитетную антологию «Every Short Story: From 1951 to 2012» классика шотландской литературы Аласдера Грея, в контексте оригинальной трактовки писателем-патриотом «шотландского вопроса». Отмечается, что проблематика рассказа, написанного в 1990 году, тесно связана с учреждением в том же году статуса Глазго как культурной столицы. Показано, что сомнения Грея в декларируемых культурных посылах, которое получило отражение в рассказе, можно рассматривать сквозь призму концепций П. Бурдьё и С. Жижека. Замечено, что отдельные сюжеты и образы указывают на развитие в творчестве Грея идей, близких исследователям постколониальной литературы, и в особенности тезиса о «внутренней колонизации» Шотландии. Предлагается интерпретация ряда образов, имеющих аллегорический смысл и выражающих критику английской культурной, политической и экономической гегемонии. Кроме того, с опорой на идеи Дж. Хомберг-Шрамм о характере представлений нации о своей гендерной, классовой и языковой идентичности в статье рассматриваются особенности репрезентации Аласдером Греем национальных автостереотипов, связанных с осознанием шотландцами себя как «побежденной», феминной нации, с глубокой саморефлексией о своем обществе как об эгалитарном и с изображением специфического национального диалекта в качестве одной из базовых составляющих феномена «шотландскость».

Ключевые слова:

культурный капитализм; постколониализм; национальные аллегории; шотландская литература; Аласдер Грей.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

An interpretation of the story “Culture Capitalism”, placed in the authoritative anthology “Every Short Story: from 1951 to 2012” of the classic of Scottish literature Alasdair Gray, in the context of the original interpretation by the patriotic writer of the “Scottish question «is offered in the article. It is noted that the problems of the story, written in 1990, are closely related to the establishment in the same year of the status of Glasgow as a cultural capital. Gray’s doubt about the declared cultural messages is analyzed through the prism of the concepts of P. Bourdieu and S. Žižek. It is proved that certain plots and images indicate the development in Gray’s work of ideas close to researchers of postcolonial literature, and in particular the idea of “internal colonization» of Scotland. An interpretation of a number of images that have an allegorical meaning in the light of criticism of English cultural, political and economic hegemony is offered in the article. In addition, based on the ideas of J. Homberg-Schramm about the nature of the nation’s ideas about its gender, class and linguistic identity, the author considers the representation of national auto-stereotypes and their consistent revision. The author concludes that Alasdair Gray sees the possible peaceful coexistence of England and Scotland beyond the boundaries of the model of exploitative colonialism.

Key words:

cultural capitalism; postcolonialism; national allegories; Scottish literature; Alasdair Gray.

«Шотландский вопрос» и его новые культурные смыслы в «Culture Capitalism» Аласдера Грея

© Мартыненко Е. А., 2021

1. Введение

В августе 2012 года увидела свет девятисотстраничная антология «Every Short Story: From 1951 to 2012», явившаяся одним из последних прижизненных изданий художественной прозы Аласдера Грея. В ней под одной обложкой собраны все рассказы знаменитого писателя, начиная со «Звезды» («The Star», 1951), впервые опубликованной в журнале для детей и подростков, и заканчивая десятью новыми рассказами, входящими в цикл «Tales Droll & Plausible». Однако красноречив тот факт, что писатель посчитал необходимым включить в антологию под заголовком «Glaswegians» полный текст романа в рассказах 1990 года «Something Leather». Несмотря на негативную реакцию критиков и неоднозначную оценку широкой публикой читательской аудитории, Аласдер Грей выделял его как один из своих самых сильных текстов о Глазго [O'Rourke].

Роман охватывает период с 1963 по 1990 годы и рассказывает о жизни четырех женщин: Джун, Сенги, Дональды и Гарри. Подобно тому, как в «1982, Жанин» («1982, Janine», 1984) эротический сюжет выступает в качестве политической аллегории, «Something Leather» в иносказательной форме отражает различные грани «шотландского вопроса».

Ключевое место в этом тексте занимает рассказ «Culture Capitalism». Условно он делится на две части: местом действия первой становится Лондон, а второй — Глазго. Содержание «лондонской» части сводится к пространной беседе трех англичан: Линды, причастной к организации культурного фестиваля, художницы Гарри и ее арт-дилера — с помощью чего писатель стремится представить город и Шотландию, какими они должны видеться южному «соседу». Приезд Линды и Гарри в Глазго позволяет показать истинный облик города, его невзрачную изнанку. В данном рассказе Аласдер Грей, коренной житель Глазго, выражает свое критическое отношение к избранию города культурной столицей Европы 1990 года и поднимает проблему «внутреннего колониализма» [Эткинд, 2013]. В дополнение к этому писатель в художественной форме исследует суть шотландской национальной идентичности, базирующейся на политике гендера, класса и языка.

2. Культурный капитализм и культурная столица

Заглавие «Culture Capitalism» отсылает к двум понятиям: «культурный капитализм» («cultural capitalism») и «культурная столица» («culture capital»), — которые в исследуемом рассказе оказываются неразрывно взаимосвязанными.

Согласно П. Бурдьё, капитал существует в трех обличьях: экономическом (деньги, собственность), социальном (социальные связи, репутация) и культурном [Бурдьё, 2002, с. 60]. В качестве элементов последнего могут выступать обычаи, традиции, знаки, символы и даже национальный язык [Большаков, 2013, с. 4]. Ценность культурного капитала абстрактна и выстраивается на основании некоего знания [Бурдьё, 2002, с. 62]. С. Жижек замечает, что в условиях современного культурного капитализма имеет место любопытный парадокс: не образ представляет продукт, а продукт — образ [Жижек, 2006, с. 43]. Наблюдение словенского философа актуально не только в отношении международных брендов (Nike, Starbucks), но и отдельных инициатив Евросоюза, таких как практика ежегодного избрания культурной столицы Европы.

Начало проекта было положено в 1985 году, когда первой культурной столицей стали Афины. В последующие годы этого звания удостоилась Флоренция, Амстердам, Берлин и Париж. В 1990 году эстафету вслед за общепризнанными культурными мегаполисами, к удивлению многих, принял шотландский город Глазго [Tretter, 2009, p. 119].

Необходимо специально прокомментировать исторический контекст этого события. На протяжении XX века в общественном сознании британцев Глазго прочно ассоциировался со старым барачным жильем и рабочим классом. В 1970-х годах город погрузился в затяжной экономической кризис, вызванный широкомасштабной приватизацией промышленных предприятий и муниципальной собственности [Там же]. Однако избрание Глазго культурной столицей позиционировало город иначе, а исторический центр города с его изысканной викторианской архитектурой способствовал привлечению дополнительных инвестиций и развитию туризма. Тем не менее изменения практически не затронули городские окраины, куда после массового сноса трущоб переселился рабочий класс, составлявший большую часть населения. Иными словами, новый «товарный» вид принял только центр Глазго, что не могло не вызвать горькой иронии писателя.

Так, в «Culture Capitalism» одним из центральных выступает вопрос «потребительской стоимости» культуры и искусства. Важную роль в рассказе играет внутренний монолог арт-дилера художницы Гарри. Его размышления являются блестящей иллюстрацией концепции П. Бурдьё о том, что ценность произведения искусства определяется не самим творцом или

отдельными агентами, а целым «полем художественного производства» [Бурдые, 2005, с. 410]. Он перебирает в уме имена известных писателей и интеллектуалов, которые могли бы стать авторами пояснительного каталога к будущей работе Гарри: *Get the show an explanatory catalogue written by a brainier than usual popular writer (William Golding too old and grand perhaps but try him and Muriel Spark Iris Murdoch Fay Weldon Germaine Greer George Melly Angela Carter David Lodge...* [Gray, 2015, p. 394] / Пусть пояснительный каталог к выставке состроит какой-нибудь писатель из тех, что поумнее (Уильям Голдинг слишком стар и незауряден, возможно, стоит попробовать уговорить его и Мюриэл Спарк, Айрис Мердок, Фэй Уэйдон, Жермену Грир, Джорджа Мелли, Анджелу Картер, Дэвида Лоджа ... (здесь и далее в отсутствие ссылки перевод наш. — Е. М.). Затем персонаж рассматривает варианты адаптации творения художницы посредством других видов искусства: ... *it could be a small bestseller, a cult book if televised why not a feature film? / ... оно могло бы послужить основой для небольшого бестселлера, культовой книги, что если сделать телепередачу, почему бы и не снять художественный фильм?* [Ibid.]. Существенное влияние на «рыночные котировки» произведений Гарри оказывает факт ее родства с королевской семьей и личные интересы отдельных агентов культурного поля. Например, один из крупнейших арт-дилеров специально раздувает цены на работы художницы, рассчитывая получить в благодарность за свои труды рыцарский титул: ... *and one who wants a knighthood has boosted the sales-price of Harry's work to a height which knowing heads of the London art market think cannot last / ... и кое-кто, мечтающий о рыцарском титуле, до такой степени вздул цены на работы Гарри, что, по мнению одного из воротил лондонского арт-рынка, не может быть надолго* [Ibid., p. 393].

Подобным образом культурный капитал города Глазго присваивается ему извне агентами поля культурного производства. Линда отмечает вклад выдающегося английского поэта и писателя Джона Бетчмана, в 1960 годах заново открывшего шедевры викторианской и эдвардианской архитектуры города. Впоследствии весомый вклад в процесс популяризации и коммерциализации шотландской культуры вносит избрание города культурной столицей Европы. Заметим, что Линда, как и арт-дилер, рассуждает об искусстве с сугубо материалистической точки зрения. Для нее понятия «культура» и «туризм» совпадают: *Commercially speaking cultcha and tourism a the same thing* [Ibid., p. 391] / С коммерческой точки зрения, культура и туризм — это одно и то же.

Линда проводит параллель между продажей муниципальной собственности частным лицам и превращением Глазго в туристическую мекку: *Howeva, they want to show they can do moa than just sell public propaty to pri-*

vate speculatas, so they have gone in fo Cultcha with a capital C — and tourism [Ibid.] / Однако они хотят показать, что способны не только продавать государственную собственность рыночным спекулянтам, поэтому они решили взяться за Культуру с большой буквы К — и туризм. Тем самым писатель намекает на то, что администрация в прямом и переносном смысле «продает» собственный город. Городская инфраструктура претерпевает существенные изменения: старые склады, рынки, многоквартирные дома и церкви переделываются в шикарные гостиницы, рестораны и торговые центры. Однако в результате всех этих преобразований центр города перестает быть собственностью коренных жителей и переходит в руки английских туристов: *The old warehouses and markets and tenements and churches are being turned into luxury flats and shopping malls and a surprising variety of very decent foreign restaurants. Which is wha we come in — I mean the English* [Ibid., p. 390] / Старые склады, рынки, многоквартирные дома и церкви переделываются в шикарные апартаменты, торговые центры и новомодные рестораны заграничной кухни. Поэтому-то мы и бываем там, — я имею в виду англичане. Весьма интересна сцена посещения Линдой и Гарри барахолки, где малоимущие жители окраин пытаются продать подержанные вещи. Линда выражает надежду на то, что в скором времени рынок будет снесен: *... these people [...] should be put somewha wha we can't see them. The city planas will pull this place down eventually, oh God make it soon!* [Ibid., p. 398] / Этих людей [...] должны убрать куда-то подальше, где мы не будем их видеть. Градостроители все равно в конечном счете разрушат это место. Господи, поскорее бы! Писатель показывает, как английские туристы «покупают» культурную столицу, постепенно вытесняя из нее местных жителей.

Особого внимания заслуживает факт «культурной колонизации» страны, поскольку именно англичане контролируют деятельность учреждений, осуществляющих трансляцию национальных ценностей: *It [Glasgow]'s the headquartas of Scottish Opera, Scottish Ballet, Scottish National Orchestra, the Burrell Collection, the Citizen's Theata, the Third Eye Centa and an intanational drama festival: all of them directed and mostly administaed by the English, of course* [Ibid., p. 391] / Это [Глазго] штаб-квартира Шотландской оперы, Шотландского балета, Шотландского национального оркестра, Музея Баррелла, Гражданского театра, Центра Третьего глаза и международного фестиваля драмы: все они, конечно, в основном управляются англичанами. При этом независимое творчество шотландцев вызывает у них отрицательную реакцию, что иллюстрирует комментарий Линды о современной национальной литературе, кажущейся ей одновременно маргинальной, грубой и претенциозной: *Half seem to be written in phonetic Scotch about people with names like Auld Shug. Every second word seems to*

be fuck, though hardly any fucking happens. The otha half have complicated plots ... [Ibid., p. 392] / Половина произведений написана на скотсе о людях с именами вроде Бэу Бэйба. Каждое второе слово является нецензурным, хотя в тексте и нечего цензурировать. Остальная же часть слишком сложна для понимания...

Спустя двадцать лет с момента публикации рассказа взгляды писателя на «культурную колонизацию» не претерпели существенных изменений. В 2012 году широкий общественный резонанс вызвало эссе «Settlers and Colonists», где он вновь подверг критике практику назначения англичан на руководящие должности в шотландских учреждениях культуры и осудил их вмешательство во внутреннюю политику страны. Наряду с этим писатель отметил вклад английских «поселенцев», не эксплуатирующих Шотландию, а, напротив, способствующих ее развитию [Gray, 2012].

3. Постколониальные аллегории

Вопрос о «внутренней колонизации» — один из самых широко обсуждаемых в современных постколониальных исследованиях, область которых в последние несколько десятилетий значительно расширилась: если ранее в фокусе внимания были преимущественно бывшие колонии Великобритании в Африке, Азии и Карибском бассейне, то теперь в поле зрения оказывается империализм во всем многообразии его проявлений [Ashcroft et al., 2012, p. XVII]. В одной из ключевых теоретических работ, посвященных исследованию постколониальной литературы, — «The Empire Writes Back» — отмечается, что Ирландия, Уэльс и Шотландия стали первыми «жертвами» английской экспансии [Ashcroft et al., 1994, p. 31]. В связи с этим при исследовании шотландской литературы успешно используется методологический инструментарий, применяемый для анализа литературы бывших колоний.

Как утверждает в работе «Scottish Literature and Postcolonial Literature», между известными произведениями постколониальных авторов (Салмана Рушди, Ханифа Курейши, Джин Рис, Чинуа Ачебе и Бена Окри) и текстами современных шотландских писателей (Джоном Келманом, Агнес Оуэнс, Ирвином Уэлшем и Иэном Рэнкином) обнаруживается целый ряд общих мест. Сходство этих литератур выражается в стремлении подорвать гегемонию английского канона, развенчать культурные стереотипы, а также выразить осуждение по поводу политики Великобритании в отношении колоний [Homborg-Schramm, 2018, p. 24—27].

В отличие от своих собратьев по перу Аласдер Грей нередко прибегает к языку аллегорий, которые встречаются практически во всех его знаковых произведениях. В «1982, Жанин» важную роль играют фантазии Джозефа Маклюйша, в которых женские персонажи, олицетворяющие Шотлан-

дию, подвергаются насилию. Ввиду того что главный герой работает на англичан, он также причисляет себя к числу насильников-эксплуататоров: *Scotland has been fucked and I am one of the fuckers who fucked her and I REFUSE TO FEEL BITTER OR GUILTY ABOUT THIS* [Gray, 2019, p. 126] / *Шотландию трахнули, и я один из тех, кто принимал в этом участие, но Я ОТКАЗЫВАЮСЬ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ ВИНОВАТЫМ ИЛИ РАССТРАИВАТЬСЯ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ* [Грей, 2005, с. 241]. Вместе с тем Маклюйш ассоциирует себя и с образом Жанин Кристал. Подобно тому как она является персонажем его фантазий, он чувствует себя героем в сценарии, написанном английской компанией по установке систем безопасности: *For more than twenty-five years before these minutes I was a character in a script written by National Security* [Ibid., p. 323] / *Целых двадцать пять лет накануне этих последних десяти минут я был персонажем истории, которую писала компания «Нэшнл секьюрити»* [Грей, 2005, с. 576].

В романе «Бедные-несчастные» («Poor Things», 1992) прослеживаются аналогии между судьбой Беллы-Виктории и историей Шотландии. Главная героиня выходит замуж за генерала британских колониальных войск Коллингтона, однако их брак нельзя назвать счастливым. Сюжет о побеге от мужа в контексте политической аллегории Грея выступает как призыв к «разводу» с Англией.

Постколониальная рефлексия составляет и основное содержание рассказа «Culture Capitalism». Уже в самом начале Шотландия сравнивается с Родезией, непризнанным государством, некогда расположенным на территории британской колонии Южная Родезия (Зимбабве): *You see Glasgow is in Scotland and from our point of view Scotland is slightly like Rhodesia in the early years of the century* [Gray, 2015, p. 390] / *Понимаешь, Глазго находится в Шотландии и, с нашей точки зрения, она чем-то напоминает Родезию начала этого века.*

По мнению арт-дилера, будущая инсталляция Гарри отражает ее травматический опыт учебы в школе для девочек («*eerily horrid schooldays*» [Ibid., p. 394]). Однако экфрастическое описание художественного объекта с говорящим названием «The Bum Garden» («Отстойный сад») может быть рассмотрено и как аллегория колониализма. Для создания инсталляции Гарри собирается использовать сталь, глазированную керамику и хрусталь — материалы, наводящие на мысли о Викторианской эпохе, на которую пришелся расцвет британского колониального господства. Пространственную композицию арт-объекта составляют деревья, птицы и фигуры девочек, выполненные из различных материалов: одни сделаны из терракоты, другие — из глазированной керамики, что служит указанием на разный цвет кожи и, соответственно, их расовую принадлежность. Терракотовые девочки кажутся

младше и одеты в фартуки: *Little gels stand in odd places nobody sees at first, little terracotta gels wearing real frocks of the period* [Ibid., p. 393] / *Маленькие девочки стоят в таких местах, где их сперва никто не замечает, маленькие терракотовые девочки, одетые в короткое платьица того периода.* Для Гарри они олицетворяют субъекты колониального правления, обслуживающие метрополию. Возраст девочек говорит об их незрелости, «нецивилизованности». Другие девочки облачены в одежды ярко белого цвета с игривыми узорами: *The olda gels will be glazed ceramic, the clothes ceramic too, all bright white ... polka dots on a dress, candy stripes on a blouse* [Ibid.] / *Девочки постарше будут сделаны из глазурованной керамики, одежда из того же материала ярко белого цвета ...платья в горошек, блузки с узором в виде карамельных полосок.* Очевидно, что они воплощают образ колониального гегемона. Любопытно, что сама Гарри указывает на их существенное отличие от своих современниц: *Anotha breed from us, the olda gels. We squawk, they turma and soo* [Ibid.] / *Другая порода, эти девочки постарше. Мы кудахчем — они шепчут и воркуют.* По сути дела, Гарри выражает сожаление по поводу утраты современной Британией своего политического влияния. Экфратическая вставка дополняется элементом интертекста (*I met an old woman no I met a young woman who gave me a rainbow* [Ibid.] / *Я встретил старушку, нет, я встретил молодую женщину, что подарила мне радугу*) — строкой из песни протеста Боба Дилана «A Hard Rain's A-Gonna Fall» о войне, людском страдании и загрязнении окружающей среды. В центре инсталляции возвышается крепость в форме человеческих ягодич: *But the huge dark bum-shaped Fortress is the middle of everything* [Ibid.] / *А посередине всего этого возвышается огромная темная крепость в форме зада.* Посредством данного нарочито сниженного телесного образа писатель разоблачает имперскую идеологию «бремени белого человека».

Листая книгу «Another Part of the Forest», англичанка Гарри случайно обнаруживает занятный диалог между богатой американкой и чернокожей горничной. В нем женщины довариваются о том, что хозяйка будет платить ей в четыре раза больше, если та сможет безропотно сносить оскорбления: *I've a mouth like Satan's ass-hole. This shitty language pours out of me over anybody near, especially if they're — you know — subordinate* [Ibid., p. 395] / *Я ругаюсь как сапожник. Достается всем и каждому, но больше всего, знаешь ли, слугам.* Гарри обращает внимание на то, что в книге отсутствует сюжет и мужские персонажи, а все действие сводится к бесконечным попыткам женщин обмануть друг друга. Отметим, что, за исключением цвета кожи и социального статуса, они мало чем отличаются. Героини совершают идентичные действия (зажигают сигарету) и обмениваются схожими колкостями (*“Well ... nigger bitch?” “... I slapped the face of the last white*

bitch who called me that [Ibid.] / “Ну, ... черная сучка?” “... В последний раз, когда одна белая сучка назвала меня так, я от души залепила ей пощечину”). Наглость и высокомерие оказываются присущи как хозяйке (*She is fascinated by her potential servant and seeks to hide this under condescending insolence* [Ibid., p. 394] / Она совершенно очарована своей будущей прислугой, но старательно скрывает это под маской снисходительного презрения), так и горничной (*She too is insolent, but her insolence is put in words which could be interpreted as compliance* [Ibid.] / Ей тоже не занимать наглости, но она облекается в выражения, которые можно легко принять за проявление услужливости). Разница лишь в том, что первая может открыто проявлять эти качества в силу своего доминирующего положения. Так и неравенство между тем, кто колонизирует и кого колонизируют, определяется исключительно фактором экономической власти.

Гарри внимательно рассматривает обложку книги «Another Part of the Forest». Сперва героине кажется, что на ней изображены джунгли, но вскоре она понимает, что нарисованные растения, в частности боярышник, бузина и ежевика, распространены только в умеренных широтах: *Then Harry sees the leaves are not tropical but are hawthorn and elder and bramble leaves painted big* [Ibid., p. 392] / Затем Гарри видит, что на обложке изображены не тропические растения, а листья боярышника, бузины и ежевики в увеличенном размере. В силу этого диалог между хозяйкой и горничной начинает восприниматься не только как аллегория межэтнических отношений в США, но и как возможное указание на взаимоотношения между разными субъектами в Великобритании.

Прибыв в Глазго, Гарри намеревается нанять горничную. Она отказывает англичанкам и тем из местных, кто пытается копировать английское произношение. Не ясны и цели героини, портрет которой преподносится с несколько гротескными, маскулинными и имперскими акцентами: *With the addition of a machine-gun and facial hair she would look like a mercenary soldier in a tropical campagne* [Ibid., p. 398] / Если прибавить пулемет и бороду, она будет выглядеть точь-в-точь как наемник во время тропической военной кампании. В конце рассказа Гарри все же находит подходящую кандидатуру — Сенгу, коренную жительницу Глазго. Примечательно, что она описана как полная женщина невысокого роста («*a small full-bodied woman*» [Ibid., p. 399]). Портрет Сенги схож с «фигурой Шотландии» из романа «1982, Жанин», где контуры страны сравниваются с телом женщины. Заинтригованный читатель ждет, что Гарри разыграет со своей горничной колониальный сюжет по типу того, что представлен в книге «Another Part of the Forest». Но вместо взаимных оскорблений и упреков женщины выпивают по бокалу рома с содовой, сидя на противоположных концах боль-

шого дивана, после чего Сенга соглашается взять на себя заботу о Гарри: «*You've found your wee Scotch auntie so your troubles are at an end*» [Ibid., p. 400] / *Ты наконец-то нашла свою махонькую шотландскую тетушку, которая решит все твои проблемы.* Так, Аласдер Грей утверждает возможность мирного сосуществования Англии и Шотландии за пределами модели эксплуатационного колониализма.

4. Национальные автостереотипы и их ревизия

Во второй части рассказа Линда и Гарри приезжают в Глазго. Для Аласдера Грея квинтэссенцией «шотландскости» является именно этот город, а не столица Эдинбург, описанная в его романе «1982, Жанин» как декорация к пьесе под названием «История Шотландии». В рассказе «Culture Capitalism» изображение Глазго и его обитателей строится с опорой на национальные автостереотипы, которые, согласно Дж. Хомберг-Шрамм, соотносятся с представлениями нации о своей гендерной, классовой и языковой идентичности [Homberg-Schramm, 2018, p. XI].

По наблюдениям Р. У. Коннела, в рамках имперского дискурса колонизатор ассоциируется с категорией маскулинности, в то время как колонизированный наделяется женскими чертами [Connell et al., 2005, p. 75]. Современные шотландские писатели в своем творчестве все чаще проводят параллели между национальной и гендерной маргинализацией. В связи с этим широкое распространение получила практика «cross-writing», когда повествование в тексте автора-мужчины ведется от лица женщины. Наглядным примером этому служат романы А. Уорнера «Morvern Callar» (1995) и «The Sopranos» (1998). Отметим также, что на литературной авансцене Шотландии множество блистательных писательниц, в числе которых А. Оуэнс, Дж. Галлоуэй и А. Л. Кеннеди. В своем творчестве Аласдер Грей уделяет пристальное внимание женскому опыту в связи с метафорической феминизацией колонизированной нации. Так, в фокусе внимания рассказа «Culture Capitalism» находятся отношения между женщинами. Мужские персонажи будто играют малозначимую роль, однако, оставаясь на заднем плане, они предстают источниками насилия и эксплуатации. Прохаживаясь по рынку в Глазго, Гарри замечает женщину со следами побоев на лице: *A woman with a twisted smile on her newly bruised face ...* [Gray, 2015, p. 398] / *Женщина с кривоватой улыбкой на подбитом лице ...* Во время беседы Сенга признается, что не раз подвергалась избиениям: *I'll take anything but kicks and slaps. I've had too many of those* [Ibid., p. 398] / *Я снесу все, что угодно, кроме побоев. Сколько их было на моем веку!* Вопрос физического насилия поднимается и в диалоге между богатой американкой и чернокожей горничной: *"Just words?" "What else could it be?" asks the white woman, smiling* [Ibid., p. 395] / *«Только сло-*

ва?» «А что еще может быть?» — улыбаясь спросила женщина. Не удивительно, что арт-дилер буквально эксплуатирует талант Гарри: *He sees that if Harry now makes a lavish indoor sculpture park ... then Harry's work will be profitably sold by the London art market to the end of the century* [Ibid., p. 394] / Он понимает, что если Гарри сейчас создаст грандиозный скульптурный парк ..., то ее работы будут с успехом продаваться на лондонском арт-рынке до окончания века.

Как отмечает Дж. Хомберг-Шрамм, понятие «шотландскость» представляет собой культурный парадокс: с одной стороны, образ Шотландии конструируется на основе метафорической феминизации «побежденной», колонизированной нации, с другой — является воплощением ценностей патриархатной маскулинности («“Original” Scotland as “male”») [Homborg-Schramm, 2018, p. 130]. В шотландской литературе одним из наиболее популярных является образ «крутого парня», идеалом которого считается герой романа У. Макилванни «Docherty» (1975). Поэтому в контексте шотландской культуры образ женщины подвергается двойной маргинализации: колониальной и гендерной. Все это и обуславливает идейную направленность рассказа «Culture Capitalism», подрывающего одновременно и гегемонию маскулинности, и культурный диктат колонизатора.

Другой аспект нашего рассмотрения в связи с постколониальным разворотом проблематики рассказа — классовые представления. В британской культуре «шотландскость» традиционно ассоциируется с рабочим классом, а «английскость» — с высшими слоями общества. В дополнение к этому в стране широко распространены представления о принципиально различном социальном укладе в Шотландии и Англии. Согласно им, для шотландского общества характерна эгалитарность, развитая социальная мобильность и большая доля рабочего класса [Homborg-Schramm, 2018, p. 106].

В рассказе Аласдера Грея данные авто- и гетеростереотипы намеренно подчеркнуты. Так как в историческом центре обосновались туристы, сердцем города становятся окраины, население которых составляет рабочий класс и маргиналы. Стоит отметить, что сцена посещения «рынка неудачников» («*poa market — a losers' market*») [Gray, 2015, p. 397]) напоминает описание жизни низших слоев общества в творчестве таких современных шотландских писателей, как Дж. Келман и И. Уэлш.

Англичанка Линда отмечает, что в Глазго отсутствуют четкие границы между классами: *But London is vast, so the classes segregate themselves easily and naturally. They couldn't do that in Glasgow ...* [Ibid., p. 390] / Но Лондон огромен, поэтому социальные классы способны легко сегрегироваться. Здесь в Глазго они не могут себе этого позволить ... Прибыв в город, Гарри наблюдает социальное многообразие уличной толпы: *She has never*

before wandered through crowds where shabby and smart folk mix ... [Ibid., p. 397] / Ей еще никогда не приходилось бродить среди такой разношерстной толпы. Шотландский эгалитаризм вызывает критическую оценку Линды, сравнивающей когда-то расположенные в центре города бараки с островом собак — «Isle of Dogs» [Ibid., p. 390].

Любопытны и акценты, связанные с политикой языка. Если великие писатели прошлого, такие как В. Скотт, шли по пути апроприации, то есть включения в текст элементов скотса и гэльского лишь для нюансировки речевой характеристики персонажей, то современные писатели делают выбор в пользу стратегии абrogации, выраженной в отказе от нормативной фонетики, лексики и грамматики. Дж. Келман детально воспроизводит косноязычную речь жителей рабочих кварталов Глазго. Причем на «народном языке» говорят не только герои, но и повествователь, выступающий в качестве одного из членов описываемой им социальной группы. И. Уэлш также проявляет повышенный интерес к языку маргинальных групп, шотландскому диалекту и молодежному сленгу.

Аласдер Грей менее, чем Дж. Келман и И. Уэлш, склонен к использованию шотландского диалекта как элемента речевой характеристики, его прежде всего интересует язык как инструмент власти. В «Ланарке» («Lanark», 1981) и «Бедных-несчастных» («Poor Things», 1992) оппозиция «английский — скотс» устанавливает языковые границы не только между частями Соединенного королевства, но и внутри шотландского общества. Например, в романе «Бедные-несчастные» шотландские студенты-медики смеются над региональным акцентом Арчибальда Свичнета: *... to hear you steadily quoting Comte and Huxley and Haeckel in your broad Border dialect was like hearing the Queen opening Parliament in the voice of a Cockney costermonger [Gray, 2002, p. 16] / Извини, что мы над тобой смеялись, Свичнет, но, когда ты со твоим деревенским выговором пошел цитировать Конта, Гексли и Геккеля, это было как если бы королева, открывая сессию парламента, заговорила языком лондонских торговков [Грей, 2000, с. 38].* В романе «1982, Жанин» нарочито правильный английский становится маской, за которой герои прячут свое социальное происхождение, вызывающее у них глубокое чувство стыда. Примером этому служит речь Брайана, режиссера глазианской труппы, которая изобилует клише: *We're all of us absolutely delighted to see you, we'll be totally dependent on what you're going to do for us but I'm going to ask you to be angelically patient because you've interrupted us in the middle of something important [Gray, 2019, p. 210] / Мы совершенно счастливы тебя видеть, мы очень от тебя зависим, нам нужна твоя помощь, но я сразу хочу тебя попросить набраться терпения, потому что ты нас прервал на самом важном месте [Грей, 2005, с. 382].*

Борьбу со скотсом на своих уроках ведет и учитель английского, «сумасшедший Хилзлоп», усматривающий в употреблении диалектных слов и выражений проявление языкового сепаратизма: *So your employment of local slang is either a conscious or unconscious effort to destroy communication between the provinces of once mighty empire* [Ibid., p. 74] / *Значит, ты используешь местные сленговые значения, руководствуясь сознательным или подсознательным стремлением затруднить коммуникацию между регионами некогда мощной империи* [Грей, 2005, с. 150].

Интересный материал для анализа речи персонажей дает и рассказ «Culture Capitalism». В нем Аласдер Грей передает специфическое произношение как шотландцев (*Hawfdeid flooers tenpence! [...] Split the stalks, pit them in water wi an asprin an thull revive! Thull revive!* [Gray, 2015, p. 398]), так и англичан (*The city centa is a mastapiece of Victioan and Edwardian achi-tectcha* [Ibid., p. 390]), уравнивая в правах шотландский и английский акценты: второй выступает не в качестве нормы, а как один из региональных вариантов.

Отметим также, что в рассказе «Culture Capitalism» шотландский акцент оказывает гипнотическое воздействие на Гарри, напоминая ей о любимой няне (*a voice with the tones and accents of Harry's long-lost, best-beloved nursemaid* [Ibid., p. 396—397] / *голос с неповторимой интонацией и акцентом ее давно потерянной и горячо любимой няни*).

В исследуемом рассказе специфический акцент, от которого шотландцы старательно избавлялись, начиная с середины XVI века, вновь властно заявляет о себе и о своей культурной ценности.

5. Выводы

Таким образом, в рассказе «Culture Capitalism» Аласдер Грей дает критическую оценку событию избрания Глазго культурной столицей Европы, проводя аналогии между «рыночными котировками» произведений искусства и конвертацией культурного наследия в экономический капитал с помощью развития туристической индустрии. Писатель также касается проблемы постепенного вытеснения англичанами коренных жителей из центра и установления ими контроля над шотландскими учреждениями культуры. Аласдер Грей как убежденный сторонник независимости Шотландии выражает радикальные взгляды на современную ситуацию в стране, превратившейся из «равного партнера» Англии в жертву «внутренней колонизации». С помощью аллегорий писатель осмысляет колониальный опыт различных стран мира, включая Шотландию в постколониальную парадигму. Вместе с тем Аласдер Грей утверждает возможность мирного сосуществования Англии и Шотландии за пределами модели эксплу-

атационного колониализма. В «Culture Capitalism» рассматриваются различные грани шотландской постколониальной идентичности, строящейся на основании таких категорий, как гендер, класс и язык. Феминистская направленность рассказа связана с проблемой двойной маргинализации шотландских женщин, выступающих в роли «другого» как в национальном, так и в гендерном отношениях. Писатель изображает национальную идентичность эгалитарной и пролетарской в противовес английской, приветствующей классовую сегрегацию. Наконец, в данном рассказе Аласдер Грей обращается к проблеме использования языка, стремясь уравнять в социальном статусе шотландский и английский диалекты.

Источники

1. Gray A. 1982 Janine / A. Gray. — Edinburgh : Canongate Books, 2019. — 352 p.
2. Gray A. Culture Capitalism / A. Gray // Every Short Story : From 1951 to 2012. — Edinburgh : Canongate Books, 2015. — Pp. 390—400. — ISBN 085786561.
3. Gray A. Lanark : A Life in Four Books / A. Gray. — Edinburgh : Canongate Books, 2016. — 574 p.
4. Gray A. Poor Things / A. Gray. — London : Bloomsbury Publishing, 2002. — 318 p. — ISBN 0747562288.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большаков Н. В.* Измерение культурного капитала : от теории к практике / Н. В. Большаков // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. — 2013. — № 6 (118). — С. 3—12.
2. *Бурдые П.* Поле литературы / П. Бурдые ; Перевод с французского Н. А. Шматко // Социальное пространство : поля и практики. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. — С. 365—472. — ISBN 5-89329-761-X.
3. *Бурдые П.* Формы капитала / П. Бурдые ; перевод с французского М. С. Добряковой // Экономическая социология. — 2002. — Т. 3. — № 5. — С. 60—74.
4. *Жижек С.* Славой Жижек : неизвестное известное рекламы / С. Жижек // Рекламные Идеи. — 2006. — № 6. — С. 37—43.
5. *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд ; Перевод с английского В. Макаровой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — 448 с. — ISBN 978-5-4448-0090-4.
6. *Ashcroft B.* Introduction : A Convivial Critical Democracy — Post-Colonial Studies in the Twenty-First Century / B. Ashcroft, R. Mendis, J. McGonegal // Literature for Our Times Postcolonial Studies in the Twenty-First Century. — Amsterdam & New York : Rodopi, 2012. — Pp. XV—XXV.
7. *Ashcroft B.* The Empire Writes Back : Theory and Practice in Post-Colonial Literatures / B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin. — London ; New York : Routledge, 1994. — 246 p. — ISBN 0415012082.
8. *Connell R. W.* Globalization, Imperialism, and Masculinities / M. S. Kimmel, J. Hearn, R. W. Connell // Handbook of Studies on Men & Masculinities. — Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2005. — Pp. 71—89.

9. Gray A. *Setters and Colonists* / S. Hames // *Unstated : Writers on Scottish Independence*. — Edinburgh : Word Power, 2012. — Pp. 100—110.

10. *Homberg-Schramm J.* “Colonised by Wankers” : *Postcolonialism and Contemporary Scottish Fiction* / J. Homberg-Schramm. — Cologne : Modern Academic Publishing, 2018. — 262 p. — ISBN3946198287.

11. *O'Rourke D.* *Alasdair Gray* : «The Gray Matter» [Electronic resource] / D. O'Rourke. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=AwWzNBvGoT8> (accessed 23.04.2021).

12. *Tretter E.* *The Cultures of Capitalism : Glasgow and the Monopoly of Culture* / E. Tretter // *Antipode*. — 2009. — № 1 (41). — Pp. 111—132.

MATERIAL RESOURCES

Gray, A. (2002). *Poor Things*. London: Bloomsbury Publishing. 318 p. ISBN 0747562288.

Gray, A. (2015). *Culture Capitalism*. In: *Every Short Story: From 1951 to 2012*. Edinburgh: Canongate Books. 390—400. ISBN 085786561.

Gray, A. (2016). *Lanark: A Life in Four Books*. Edinburgh: Canongate Books. 574 p.

Gray, A. (2019). *1982 Janine*. Edinburgh: Canongate Books. 352 p.

REFERENCES

Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H. (1994). *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures*. London; New York: Routledge. 246 p. ISBN 0415012082.

Ashcroft, B., Mendis, R., McGonegal, J. (2012). Introduction: A Convivial Critical Democracy — Post-Colonial Studies in the Twenty-First Century. In: *Literature for Our Times Postcolonial Studies in the Twenty-First Century*. Amsterdam & New York: Rodopi. XV—XXV.

Bolshakov, N. V. (2013). Measurement of cultural capital: from theory to practice. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 6 (118): 3—12. (In Russ).

Bourdieu, P. (2005). The field of literature. In: *Social space: fields and practices*. Saint-Petersburg: Aleteya. 365—472. ISBN 5-89329-761-X. (In Russ).

Bourdieu, P. (2002). Forms of capital. *Economic sociology*, 3 (5): 60—74. (In Russ).

Connell, R. W., Hearn, J., Connell, R. W. (2005). Globalization, Imperialism, and Masculinities. In: *Handbook of Studies on Men & Masculinities*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 71—89.

Etkind, A. (2013). *Internal colonization. The Imperial Experience of Russia*. Moscow: New Literary Review. 448 p. ISBN 978-5-4448-0090-4. (In Russ).

Gray, A. (2012). *Setters and Colonists*. In: *Unstated: Writers on Scottish Independence*. Edinburgh: Word Power. 100—110.

Homberg-Schramm, J. (2018). “Colonised by Wankers”: *Postcolonialism and Contemporary Scottish Fiction*. Cologne: Modern Academic Publishing. 262 p. ISBN3946198287.

O'Rourke, D. *Alasdair Gray: «The Gray Matter»*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=AwWzNBvGoT8> (accessed 23.04.2021).

Tretter, E. (2009). *The Cultures of Capitalism: Glasgow and the Monopoly of Culture*. *Antipode*, 1 (41): 111—132.

Zizek, S. (2006). Slava Zizek: the unknown known of advertising. *Advertising Ideas*, 6: 37—43. (In Russ).